

Фидуарный рейтинг физических лиц как средство измерения человеческого капитала

© 2011 К.Ю. Суриков, Д.В. Белобородов
E-mail: 7616009@mail.ru

В статье рассматривается проблема измерения капитала с позиции формирования фидуциарного рейтинга физических лиц, устанавливающего их кредитоспособность, под которую могут эмитироваться частные деньги. Человеческий капитал расценивается как альтернатива возврату к золотому стандарту и основа будущей мировой финансовой системы.

Ключевые слова: финансовый рынок, резервная валюта, мировая экономика, доверие, золотой стандарт, денежная эмиссия.

Многообразие различных теоретико-методологических подходов к определению понятия “человеческий капитал” определяет актуальность проблемы его измерения. Если понятие “капитал” упирается в понятие “деньги”, то вопрос о сущности человеческого капитала (проблема идентификации его специфики) соотносится с понятием сущности денег. Измеряется ли человеческий капитал в деньгах и если да, то каким образом?

С 1960-х гг. концепция человеческого капитала как инвестиции стала развиваться в США в работах Д. Минсера и Т. Шульца, которые начали разработку данной проблемы с оценки выгоды инвестиций в повышение квалификации рабочих, так как в этом случае растет и прибыль предприятия и зарплата персонала. С тех же позиций Г. Беккер приступил к изучению экономической эффективности высшего образования. Параллельными исследованиями данного вопроса в СССР занимался В. Марцинкевич под руководством Е. Громова в отделе эффективности ИМЭМО¹.

В 2000-х гг. человеческий капитал стал объектом исследования для Л. Абалкина, С. Дятловой, Т. Мясоедовой, Г. Тугускиной, И. Соболевой и Р. Нуреева. Нашим экономистам принадлежит идея человеческого капитала как своеобразного резерва способностей и практического опыта, продаваемых экономическим субъектом на рынках труда. С этой точки зрения, к человеческому капиталу стали относить не только трудовые навыки, но и мотивацию, творческий потенциал, культуру, нравственность и своеобразную философию стратегии бизнеса, которую невозможно воспроизвести в другой конкурирующей организации.

В начале 2001 г. компания Watson Wyatt провела исследование, согласно которому человеческий капитал является ведущим показателем, влияющим на стоимость компании, что позволило его соотнести с реальным финансовым активом.

В свою очередь, Д. Тимчишин, Ю. Калачев и Д. Асланов предложили рассматривать человеческий капитал как один из главных драйверов развития постиндустриального общества. Вместе с тем О. Гаврилица и Н. Плискевич указывают на сложность идентификации человеческого капитала как с точки зрения его дефиниции, так и с точки зрения поиска адекватных стратегий его оценки традиционными методами. Применительно к Российской Федерации Н. Плискевич отмечает тот факт, что сложившаяся в ней система власти-собственника приводит к тому, что фундаментальное свойство человеческого капитала – знания, навыки и опыт – становится “скоропортящимся товаром” в обществе, где экономика в той или иной мере подчинена капризам политической конъюнктуры. Таким образом, чтобы человеческий капитал находился в ситуации постоянного воспроизводства и накопления, государству следует создавать условия, стимулирующие человека на приобретение новых знаний, навыков и трудового опыта. Но как это делать? И в чем его измерять? С помощью традиционных наличных денег путем анализа рыночной стоимости фирм (как это делала компания Watson Wyatt)? Однако в современном мире крайне сложно оценивать состояние финансовой системы через балансы финансово-промышленных корпораций. Как утверждают А. Бузгалин и А. Колганов, “в рамках логики Маркса то, что сегодня называется “капитализацией фирмы”, есть косвенная оценка фиктивного капитала, находящегося в собственности того или иного лица (персоны или корпорации). И этот капитал фиктивен не в том смысле, что он нереален, а в том, что перед нами реальность особого рода. Такой капитал по своей природе количественно и качественно не определен. Он не может быть определен количественно, ибо в принципе неизвестно и не может быть даже приблизительно оценено, какова его действительная величина, то есть

стоимость (выраженная, естественно, в денежном эквиваленте). Известна лишь постоянно изменяющаяся оценка, зависящая не от стоимости данного “товара” (товара-то как такового нет - есть лишь фиктивная производная от функционирующего капитала), а от производных второго, третьего и т.д. порядка факторов”². Но если мировая экономика не может справиться с измерением обычного капитала, то стоит ли говорить о точности идентификации экономических производных более сложного уровня - человеческого и символического капитала?

Один из возможных ответов на данный вопрос можно найти при изучении фидуциарной концепции денег в современном французском редукционизме, согласно которой именно доверие, а не товар и не труд (услуга) лежит в основе финансовой системы. “Деньги есть то, благодаря чему социальная коммуникация оказывается возможной в условиях рыночной конкуренции, при которой экономические субъекты принципиально не доверяют друг другу” (Ж. Картелье).

Общество с низким уровнем доверия теряет колоссальные деньги в виде трансакционных издержек на проверку юридической чистоты сделок и надежности своего партнера. В то время как общество с высоким уровнем доверия менее поддается панике в кризисный период и потому более устойчиво. Таким образом, доверие друг к другу, к государству, общественным институтам и их эмитентам в виде денег и производных финансовых инструментов (деривативов и суррогатов) становится составной частью человеческого капитала. И если последний есть некий ресурс, то он уже поддается косвенному измерению посредством ранжирования и встраивания в существующие рейтинговые системы оценки активов.

Однако доверие есть не только ресурс построенных на деньгах производственных отношений, сущность которых также фидуциарна. Это то, ради чего необходим сам рейтинг, по итогам которого один экономический субъект принимает решение относительно других экономических субъектов, например, о том, заключать ли с ними сделки, осуществлять совместный бизнес-проект и т.д., что, в свою очередь, напрямую влияет на интенсивность общей деловой активности и инвестиций.

Таким образом, именно через всестороннюю оценку фидуциарных основ экономической системы можно попытаться решить два актуальных и, на первый взгляд, совершенно не связанных между собой вопроса: “Сколько стоит человеческий капитал?” и “Сколько денег должно быть в экономике?” При этом, как представляется, без

ущерба для точности измерений можно полностью абстрагироваться от многообразия форм экономических субъектов, сведя их к единой первооснове - человеку действующему (что, безусловно, шире, чем homo economicus).

Далее, если человеческий капитал есть сумма возможностей отдельно взятых людей (homo sapiens), то и измерять его нужно через них, без каких-либо опосредованных механизмов. В самом деле, почему отдельный человек не может сам для себя создать небольшое количество кредитных денег, обеспеченных как материальными, так и нематериальными активами? Тем более что современное общество чисто технически способно решить данную проблему, ему не хватает только политической воли. Для этого на базе центральных банков необходимо создавать информационные мегацентры, способные просчитывать фидуциарный рейтинг физических лиц в автоматическом режиме, определять их кредитоспособность и эмитировать под нее необходимое количество денег.

Можно предвидеть, что такой подход вызовет активное неприятие сторонников уже существующих теорий системы частных денег (Ф. Хайек, М. Ротбарт, Г. Хьюльсман и др.), традиционно возлагающих большую часть вины за дестабилизацию мировой финансовой системы на государство и центробанки, зачастую не делая различий между этими далеко не однородными социальными институтами. Так, по мнению М. Ротбарта: “...в случае если государство может безнаказанно стать фальшивомонетчиком (т.е. создать деньги из ничего), ему незачем заниматься продажей услуг или золотодобычей - оно может просто наделать себе денег. Тогда государство получает возможность присваивать материальные ресурсы исподтишка и почти незаметно. В отличие от налогообложения этот способ не встречает ожесточенного сопротивления, более того, он создает у тех, кто стал жертвой подделки денег, иллюзию беспрецедентного процветания. Очевидно, что подделка денег - это просто другое название инфляции”³.

Дело в том, что, по мнению М. Ротбарта, использовать инфляцию как механизм ограбления населения может только государство, так как “в условиях свободной банковской деятельности способность отдельного банка запустить инфляцию ограничена тремя факторами: 1) количеством клиентов банка; 2) склонностью людей использовать банки, т.е. связываться с заменителями денег; 3) уверенностью клиентов в надежности своих банков. Чем уже клиентура каждого из банков и банковской системы в целом, тем меньше вероятность инфляции. Деятельность госу-

дарства в сфере регулирования деятельности банков приводит к тому, что факторы, ограничивающие инфляцию, исчезают”⁴.

В целом, суть претензий сторонников частных денег к центральным банкам можно сформулировать в следующих тезисах:

1. При эмиссии денежных средств ЦБ не учитывает потребности частных лиц.

2. При кредитовании он недооценивает их обеспечение.

3. Печатаемая деньги, государство злоупотребляет денежной эмиссией в целях покрытия дефицита бюджета и путем инфляции наносит физическим лицам финансовый ущерб.

4. Это ведет к коррупции как в сфере распределения денежных средств, так и в области надзора над остальными финансовыми институтами, пытающимися достичь частной эмиссии через расширение мультипликатора денежной массы, используя финансовые инновации (ценные бумаги, деривативы, веб-мани и т.д.).

5. Напечатанные государством деньги сами по себе не имеют достойного обеспечения (пассивы ФРС США – доллары – оторваны от золота, а обеспечивающие пассивы других центробанков валютные активы базируются большей частью на долларах).

Современное резкое увеличение мультипликатора денежной массы над денежной базой обусловлено в числе прочего тем, что “ценная бумага всегда хороша тем, что может вмещать в себя и товары и деньги: это и фьючерс (эквивалент товара), и вексель (эквивалент денег), и множество других самых разнообразных финансовых продуктов. Однако при финансовом кризисе возникает серьезное сжатие денежной массы (что ведет к уменьшению спроса на деривативы) и параллельный дефицит ликвидности в области денежной базы. Это приводит к вводу в обращение суррогата, который временно замещает собой наличные деньги”⁵.

В самом деле, надо признать, что современная финансовая система научилась производить частные деньги, успешно конкурирующие с государственной эмиссией. Кредитно-финансовые учреждения способны наращивать денежную массу через деривативы, а частные корпорации и мелкий бизнес нередко демонстрируют способность замещать наличные деньги собственными суррогатами. Если, согласно теории А. Смита, любой либеральный рынок есть саморегулируемая система, то и финансовый рынок как его составной сегмент, также может справиться с задачей восполнения недостатка ликвидности без помощи внешних регуляторов и даже кредиторов последней инстанции в виде национальных цен-

тробанков, ФРС, ЕЦБ и МВФ. Это происходит за счет быстрого перераспределения (перестройки) фидуциарных коммуникаций с вертикального на горизонтальный уровень. Другое дело, что с точки зрения пруденциального надзора (необходимость которого никто, в том числе и сторонники систем частных денег, всерьез не оспаривает) это более сложный и трудоемкий процесс, к тому же не защищенный от злоупотребления доверием в горизонтальной плоскости со стороны финансово-промышленных корпораций. По большей мере, они не могут делегировать друг другу абсолютный уровень доверия хотя бы по причине конкурентной борьбы.

Но данное противоречие, на наш взгляд, может быть успешно разрешено как раз через центральные банки, которые согласно специфике своей деятельности и решаемым ими задачам не конкурируют с частными банками. По нашему мнению, главная проблема регуляторов денежной эмиссии заключается в настоящий момент не в их монополии (де-факто уже давно не существующей в связи с функционированием деривативов и суррогатов), а в том, насколько способны они поддерживать свою репутацию (фидуциарный рейтинг среди финансовых институтов) и своевременно реагировать на рыночные инновации.

Еще один аргумент сторонников частных денег против участия государства в процессе их эмиссии заключается в том, что оно может регулировать экономику только правовым путем, а право всегда отстает от финансовых инноваций. Но при такой постановке вопроса совершенно упускается из виду позитивный (направленный в будущее) характер значительной части современного права. По мысли А. Шопенгауэра, “вне государства не существует права наказания. Всякое право наказывать основывается единственно на положительном законе, который до проступка установил за него известную кару, так что страх ее, в качестве противомотива, должен был перевешивать все возможные мотивы к совершению такого проступка. Этот положительный закон надо рассматривать как санкционированный и признанный всеми гражданами страны. Он основан, таким образом, на общем договоре, к исполнению которого при всех обстоятельствах, т.е. к наложению наказания – с одной стороны, и перенесению его – с другой, обязаны все члены государства: поэтому справедливо, что также перенесение принудительно. Следовательно, непосредственная цель наказания в отдельном случае – это исполнение закона как договора. Единственная же цель закона – это устрашение перед нарушением чужих прав, ибо для того чтобы вся-

кий был огражден от претерпения неправды, люди соединились в государство, отказались от совершения неправды и приняли на себя бремя поддержания государства. Закон, следовательно, и его исполнение - наказание, по своему существу, имеют в виду будущее, а не прошедшее. В этом отличие наказания от мести, которая имеет свой мотив исключительно в совершившемся, т.е. в прошлом как таковом”⁶.

Применительно к нашей проблеме улучшения работы экономических систем с точки зрения наращивания ресурсов человеческого капитала можно сказать, что если правовая система и дальше будет “глуха” к развитию экономических инноваций, то она никогда не достигнет подлинных высот юридической справедливости, а ее действия с точки зрения морали всегда будут иметь характер мести. Это значит, что современное государство не должно бояться (под предлогом сохранения уже достигнутой относительной экономической стабильности) создавать новые механизмы государственного регулирования кредитно-денежной системы, рассчитанные по своему потенциалу на опережение частных экономических инициатив в сколь угодно отстоящем от нас будущем.

Если общество в результате реализации общественного договора, отраженного в соответствующем законе, окажется способно оперативно восполнять нехватку денег не через деривативы и суррогаты - эмиссионные продукты частного капитала, а настоящими живыми деньгами - продуктами фидуциарного рейтинга физических лиц, то оно получит возможность максимально точно удовлетворять потребности экономики в денежных средствах, что, в свою очередь, минимизирует риски неплатежей и тем самым практически через материально-хозяйственную сферу позитивно повлияет на юридические правоотношения. Таким образом, частные деньги станут главным инструментом оценки человеческого капитала - ибо только они смогут создать позитивную область напряжения между резервами человеческого капитала и его потребностями, от точности соотношения которых и зависит конечная точность денежной эмиссии.

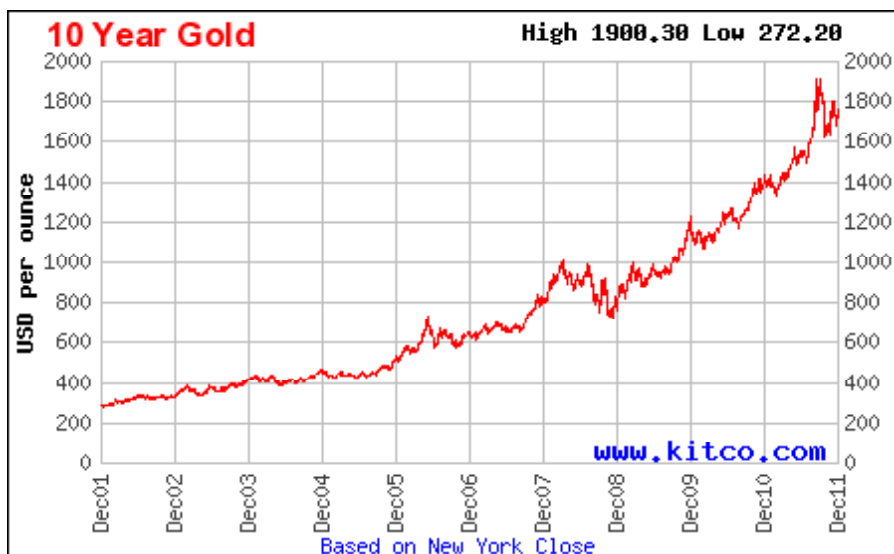
Концепция фидуциарной эмиссии позволяет нам, как представляется, эффективно противостоять еще одной деструктивной, особенно в долгосрочном плане, тенденции, заключающейся в реанимации золотого стандарта, в пользу чего в последнее время высказывается все большее количество как российских, так и зарубежных экономистов (Роджерс, Ротбарт, Хьюльсман). Свою позицию они аргументируют возрастающим числом крупномасштабных злоупотребле-

ний денежной эмиссией со стороны самых крупных системообразующих финансовых институтов. Определенную поддержку данная идея находит и на финансовых рынках. Так, резкий рост цен на золото и в период мирового финансового кризиса 2007-2009 гг., и после его окончания в 2010-2011 гг. может свидетельствовать о “молчаливой” консолидации экономических субъектов вокруг нового эталона ликвидности, каким вместо процентной ценной бумаги вновь становится беспроцентный золотой актив.

Показательно, что его фундаментальная переоценка пока не вызывает сокращения спроса. Золото скупается как защитный страховой актив и идеальное средство резервирования капитала, которое не имеет внешнего эмитента и потому неподконтрольно даже кредиторам высших инстанций. Всех, как и много раз ранее в неспокойные для человечества времена, привлекает в золоте то, что его стоимость невозможно обнулить в результате денежной реформы, она устойчива против инфляции и девальвации.

Таким образом, современное человечество вновь стоит на грани “искушения простым решением”, выбирая основу для будущей финансовой системы: золото или человеческий капитал (как раньше - золото или кредит). Если мы будем вынуждены сделать шаг назад и вернуться к золотому стандарту, то мы, без сомнения, получим на первом этапе гораздо более стабильную финансовую систему. Однако она будет совершенно негибкой и нединамичной, т.е. плохо приспособленной к нуждам высокотехнологичного постиндустриального общества. Фактически возвращаясь к средневековью, мы теряем все преимущества многовековой эволюции финансовых институтов, их новые продукты, методы и управленческие навыки работы со сложными финансовыми инструментами.

Кроме того, в долгосрочной перспективе золотой стандарт все равно не решит проблемы нехватки ликвидности. Природных богатств (физического количества меди, золота и серебра) даже в древнем мире и в средние века не хватало для адекватного поддержания роста товарооборота. И это при общем количестве населения не более 1 млрд. чел. и при крайне низком уровне потребления, тогда как в современной действительности мы имеем дело с волей 7 млрд. людей и высокотехнологичным производством, увеличившим потребление продукции в сотни раз по сравнению со скромным спросом эпохи средневековья. Безусловно, финансовая система должна быть адекватна новому образу жизни, иначе общественную систему разорвут ментальные и коммуникативные противоречия.

Чем больше экономически активных людей будут осознавать объективный характер эволюции денег от простой природной формы к их полной персонификации (золото - доверие к природе, наличные бумажные банкноты - доверие к государству, процентные ценные бумаги - доверие к общественным финансовым институтам, частные электронные деньги - доверие к отдельным физическим лицам), тем большую общественную поддержку будут приобретать идеи, связанные с логичным “завершением” этого процесса, а не возвращением к первоистокам.

На самом деле, если эталон ликвидности конвенционален, то он может быть сформирован как на базе золота, так и на базе человеческого капитала. Этот выбор есть всего лишь вопрос политической воли, а не специфики выбираемого финансового инструмента. Золото не персонифицированный и, что более важно, не диверсифицируемый актив. Золото может быть только золотом. Оно не может быть нефтью, недвижимостью, бытовым прибором или продуктом питания. Тогда как персональный человеческий капитал диверсифицируем. Человек может менять один производственный навык на другой в зависимости от потребностей экономики. Это более дина-

мичный и гибкий актив, более адекватный новейшим тенденциям постиндустриального общества. Таким образом, одна из будущих ролей государства должна заключаться, как нам представляется, в его справедливой оценке и наиболее точной, насколько это возможно, конвертации в финансовый капитал, а также в эффективном администрировании этих процессов.

Пока же приходится констатировать, что экономическая действительность упорно возвращается “на круги своя” (см. рисунок).

Разомкнуть данный порочный круг - задача для политиков и экономистов уже ближайшего будущего.

¹ Марцинкевич В. Человек из прошлого. М., 2011. С. 117.

² Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономической кризис и сценарии посткризисного развития // Вопр. экономики. 2009. □ 1. С. 125.

³ Ротбард М. Государство и деньги. М. 2004. С. 72.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Раджабов О. Деривативы и суррогаты в современной финансовой системе // Изв. академии управления: теория, стратегии, инновации. 2011. □ 2 (3). С. 34.

⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск, 2005. С. 560-561.

Поступила в редакцию 02.11.2011 г.